

К МОРЮ

РАССКАЗ

ИРИНА МИХАЙЛОВА
Родилась в 1986 году в Люберцах. Окончила Литературный институт имени Горького (семинар прозы А.Е. Ренемчуна). Публиковалась в журналах и альманахах «Пролог», «Нольцо "А"», «Зеленый бульвар», «Сибирские огни», «Пятью

пять», «Наш современник», «Юность», «Роман-газета». Входила в лонг-листы премий «Дебют», «Лицей», «Болдинская осень», в лонг-лист конкурса «Русский Гофман». Лауреат международной литературной премии «Радуга» в номинации «Молодой автор года». Победитель конкурса

«Всемирный Пушкин». Вошла в шорт-лист премии «Этноперо». Член Союза писателей Москвы и Союза писателей России. Участник Форума молодых писателей, Совещания молодых писателей при СПМ и Совещания молодых литераторов при Союзе писателей России.

1.

Мы едем по узкой южной дороге, похожей на хвост запущенного в небо воздушного змея, так долго, что становится страшно: мы заблудились. Я всматриваюсь в карту, разложенную у меня на голых коленях, но отец выхватывает ее и бросает на заднее сиденье. Одним быстрым, знакомым движением – это я виновата во всем. Мы едем, читая указатели, которые встречаем на пути, но все не можем найти нужный нам поворот. Мой айфон перестал ловить еще полчаса назад, а у отца телефон без интернета и загруженных карт. В машине невыносимо жарко – снаружи только раскаленное солнце на высоком ярко-голубом небе без единого облака и суховей. Он жужжит над ухом, точно шмель.

Мы давно съехали с асфальта на грунтовку с крутыми, уходящими вверх поворотами, и нам не встретилось ни одной машины. Отец находит место и останавливается у обочины. Гасит мотор. Достает карту и еще раз всматривается в нее.

Я открываю дверь и выхожу из машины. Справа бахча. Лежат полосатые продолговатые арбузы. Загорелый парень несет один, обняв за бока потными ладонями. Арбуз такой огромный, что, кажется, у парня едва хватает сил, он то и дело останавливается и вытирает капли солнца со

лба. Отец идет к нему с картой и что-то говорит. Он смотрит на него, на карту, показывает пальцем на дорогу. Затем несет арбуз к нашей машине и кладет его в багажник. Отец прижимает его с двух сторон сумками с вещами, чтобы он не катался и не разбился, дает парню деньги. Парень подходит ко мне.

– В этом году очень жарко, – говорит он, широко и криво улыбаясь. У него нет нескольких передних зубов. – Дождей не будет до сентября. – Он все не уходит. – Для арбузов это плохо. Посохнуть может. А вы надолго?

– На две недели, – говорю я машинально.

Отец кивает мне, садится в машину. Я сажусь рядом, совсем близко к нему. Он блокирует дверь, поднимает мое окно и заводит мотор. Я вижу сквозь стекло, как парень медленно отходит от машины, все так же улыбаясь. Мне хочется помахать ему рукой, но отец сурово смотрит в зеркальце заднего вида на уменьшающуюся фигуру.

– Мы для них мешки с деньгами, – говорит отец, – приехали из Москвы сорить баблом. А ты улыбаешься.

Он злится, когда я разговариваю с незнакомыми. Злится, когда я долго гуляю, злится, когда не сразу отвечаю на его звонки. Злится, если я до вечера задерживаюсь в институте, злится, если привожу домой друзей. Иногда мне кажется, что

он не хочет, чтобы я что-то делала без него. Наверное, это значит, что он любит меня.

Я же стараюсь бережно относиться к вещам, которые объединяют нас. Их осталось не так много – дорога, машина. Стараюсь не разрушить. Охранять. Кроме меня делать это некому. У нас есть два совершенно разных мира, но чтобы появился один, я должна отказаться от своего.

Отец едет молча и не смотрит на меня, словно меня и нет. Я всегда ненавидела, когда он так молчит. Просто ведет машину, сворачивает куда-то, курит и молчит. В детстве он наказывал меня тем, что переставал разговаривать со мной. Проходили сутки, вторые, третьи, неделя, а мы все молчали и молчали, словно ждали – кто же из нас первый не выдержит. Не выдерживала всегда я. Со слезами бежала к нему, чтобы рассказать все, что произошло в моей маленькой жизни за ту жуткую неделю без его голоса. Молчание отца тяжелое – медленное, продуманное. Как в нем может быть столько жестокости.

– Долго еще? – спрашиваю я.

– Следующий поворот наш, – отвечает отец раздраженно.

Ему все надо знать заранее. В его жизни не должно быть ничего, что может запутать дорогу. Нужно выучить все карты и все возможные пути и перекрестки. Он и представить не может, что в его жизни вдруг случится что-то, чего он не захочет. Его уволят с работы, у него не будет денег или кончится бензин. Что нам негде будет ночевать и что я могу взять сейчас, открыть дверцу машины и уйти. Да, он, наверное, и не знает, что я могу уйти. Что для этого не нужно никаких причин.

– Интересно, какая погода в Москве? В этом году так дождливо. Хорошо, что мы уехали, – говорю я.

– Конечно. Смысл все лето торчать дома?

Отец включает кондиционер на полную мощность, и сразу становится легче дышать. Я закрываю глаза и не смотрю на заливающий всю машину свет. Воздух становится сухим, и одежда больше не липнет к телу. В приоткрытое окно отца вместо ветра влетает солнце и остается красноватыми неровными пятнами на плечах и носу.

Отец сворачивает с грунтовок на разбитую дорогу и наконец въезжает в нужный нам поселок. Аккуратно, чтобы не попасть колесом в яму, он едет по усыпанной мелкими белыми камушками улице, от чего шины приятно шуршат, хотя камушки бьются в стекла. Я откидываю голову на спинку сиденья и слегка прикрываю глаза. Отец припод-

нимается и пытается заметить все неровности на пути. Я смотрю – какой у него красивый профиль, как он уверенно держит руль, переключает скорости, щурит глаза, всматривается в таблички с названиями улиц.

Я чувствую запах моря – в конце улочки с двумя рядами домов лежит без движения, точно нарисованная, голубовато-зеленая полоска.

– Море! – вскрикиваю я. – Это же море. Стой. Останови.

Но отец едет дальше, словно не слышит.

– Останови! – еще раз кричу и машинально хватаюсь за руль. Мои руки вдруг уверенно сжимают руки отца.

Он останавливает машину и смотрит на меня так, как смотрит всегда, когда я делаю или говорю что-то, чего не должно быть в его сценарии. А я выскакиваю и бегу по узенькой дорожке. Босиком, потому что кроссовки я сняла и оставила в машине. Спотыкаясь в невозможно горячем песке. К этой полоске синего бесшумного моря. Разочарованно останавливаюсь на берегу, заросшем травой и листьями, похожими на капусту. Это не море – оно покрыто мелкой травяной рябью, которая чуть шевелится от лодки, привязанной у берега. Я сажусь на ее край и опускаю горячие ноги в вязкую воду. Они тут же покрываются зеленой тиной, и вода слишком теплая и пахнет не солью, а деревянной пристанью и рыбой.

Отец подходит, неся в одной руке мои кроссовки. Садится рядом, лодка покачивается, и от нее идут ненастоящие волны.

– С ума сошла? – говорит он. – На ходу выпрыгиваешь. Море в другой стороне. – Он указывает кроссовками в противоположную сторону.

– А это лиман.

Море – это много людей, надувные матрацы, кафе, свежий сок. Здесь ничего этого нет. Только лодка и рыба.

Он встает и протягивает мне руку. Она влажная от пота. Я держусь за нее совсем как в детстве и отряхиваю от тины ноги.

– Ты не хочешь ехать? – спрашивает отец.

– Я совсем не знаю ее. Почему мы не могли поехать вдвоем?

С Ритой отец познакомился год назад, когда ушел от мамы.

– Мы вроде все решили, – отец вздыхает. – Я думал, ты была не против.

– Да, но...

Отец неловко обнимает меня за плечи, будто успокаивает, но я чувствую – он просто не знает,

что сказать. Никогда не знал. Я отталкиваю его и иду обратно к машине. Он догоняет меня и хватается за руку.

– Зачем ты начинаешь? – говорит он.

Рита приехала несколько дней назад, сняла нам две комнаты – себе с отцом и мне. Отец подъезжает к забору. Я выхожу и наблюдаю, как он ставит машину в тени под деревьями – идеально ровно – и выходит. В красной легкой рубашке, расстегнутой наполовину, шортах. Я вспоминаю, что таким не видела его никогда. Мы еще ни разу никуда не ездили вместе, всей семьей, как делают другие. Стоят в узком проходе, ждут, пока соседи по купе уложат свои вещи, чтобы улечься на маленькие полочки. Или бегут с чемоданами по аэропорту, опаздывая на самолет, потому что задержались в магазинах. А до этого собирают вместе чемоданы, решают, что в чью сумку класть, что необходимо, а что разумней купить на месте. Ругаются, потому что кто-то набрал слишком много ненужных вещей. Тут же мирятся. И едут, едут. Все равно куда. Лишь бы ехать.

Мы так никогда не делали. Только однажды, когда я еще училась в средней школе, на выходные поехали на дачу к маминой сестре. Ночевали все в одной комнате, потому что другие были заняты. Мы с мамой на разобранном диване, отец – на полу. Возвращались поздно вечером на электричке. Я смотрела в окно, но из-за освещения поезда ничего не видела. Только наши лица – растерянные и чужие. Уже тогда между отцом и мамой все разладилось. Это чувствовалось во всем – во взглядах, словно случайно брошенных в сторону друг друга, в словах, редких и холодных, в молчании, с каким отец уходил спать один. Мама еще долго сидела на кухне, что-то делала по дому, готовила или мыла посуду.

Отец закуривает, отчего у него слезятся глаза. Он шурит их и смотрит пристально и въедливо. Последний раз он так смотрел, когда за несколько дней до его ухода мы поехали кататься с ним по городу. Его машина – большая, пахнущая мужскими запахами и маслом, с разбросанными по салону грязными тряпками и рабочими перчатками. Я села на переднее сиденье первый раз – раньше там всегда сидела мама. Не стала пристегиваться и почувствовала себя взрослой. Мы катались по одним и тем же улицам нашего города. По его бесконечному кругу. До самой ночи. Медленно. Никого не обгоняя. По крайней полосе. И не останавливаясь.

– Я какое-то время поживу не с вами, – сказал тогда отец, не отрываясь от дороги.

– Почему? – спросила я.

– У нас так получилось с мамой... Так бывает.

– А как же я?

– Ты скоро вырастешь. Выйдешь замуж. Уедешь. Я буду не нужен тебе.

– А сейчас тебе не нужна я?

Мне хотелось, чтобы дорога не заканчивалась никогда. Чтобы можно было ехать вот так вдвоем до самой старости, и чтобы никаких вопросов, никаких остановок, и никаких слов. И никаких других людей. Но потом мы подъехали обратно к нашему дому. Я открыла дверцу и вышла. И отец уехал уже один.

Я знаю – ему было намного тяжелее, чем мне или маме. Потому что уходил именно он.

Он почти ничего не забрал из своих вещей, словно уехал только на время. Но с тех пор мы не виделись год. До этой поездки.

– Рита! – Он выбрасывает сигарету и машет кому-то рукой.

Я оборачиваюсь. Большие серые подведенные глаза, ярко накрашенные ресницы, румяна, неловко и неровно нанесенные на пухлые щеки, красные губы, пышные выгоревшие волосы, которые она на ходу собирает в высокий хвост, короткая пышная белая юбка, поднимающаяся от слабого ветра колокольчиком, длинные, полные, загорелые ноги. Старшеклассница – мамина помада, сапоги старшей сестры. Девчонка. Только если приглядеться – под сорок. Все равно моложе отца. Моложе мамы.

Рита начинает тараторить быстро-быстро. Спрашивать про дорогу, про Москву, про что-то еще. Она все время двигается, как будто не может просто стоять на месте. От этого кажется воздушной, легкой – живой. Наверное, в эту легкость и влюбился мой отец. Потому что именно легкости и недоставало нашей семье.

Я смотрю на Риту и не могу оторваться.

– Я тебе, – Рита говорит так быстро, что я с трудом разбираю слова, – прям напротив нас комнату нашла. Вещи потом занесете, а пока за стол. Можно поехать куда-нибудь, но вы же с дороги, так что лучше прям здесь на улице. Я приготовила.

Она наконец перестает тараторить, вопросительно смотрит на меня и улыбается. Эта ее внезапная улыбка, как взрыв, моментально освещает все вокруг, а потом так же внезапно гаснет, оставляя тонкий след, как от появившейся и тут

что другого на хозяйской кухне нет, на разогретую сковороду тоненьким ровным слоем тесто. У отца всегда получаются очень красивые блины, намного лучше маминих – толстых и промасленных. Он не торопится – медленно разогревает масло, пока оно не начинает лопаться пузырьками, затем дает ему растечься и только потом выливает тесто. Всегда столько, сколько нужно. Его блины ровные, тонкие, круглые – какие и должны быть. У меня никогда так не получалось.

Потом я иду за посудой. Моя комната напротив комнаты отца и Риты. Мое окно, занавешенное от жары, выходит на их. Я приоткрываю шторку и вижу Риту напротив. Она замечает меня и машет рукой. Я опускаю штору и выхожу из комнаты.

– Мама не ругалась, что со мной едешь? – Отец берет блины руками, без всякой вилки, сворачивает в масляный треугольник, проводит им по сковородке – собирает остаток масла.

– Ну, она хотела на дачу поехать.

– К сестре, что ли?

– Ну да.

– Успеешь еще.

– Да я не хотела туда.

– А как живете вообще?

– Да нормально. Про тебя не говорим.

Говорим, конечно. Когда ругаемся – со мной невозможно, вся в отца, такая же упрямая. И пустила меня мама после ссоры. Даже чемодан не помогала собирать. Выкатила на середину их общей когда-то с отцом комнаты – делай что хочешь, только без меня.

И когда отец приехал, не вышла. Так и тащила одна свой полупустой чемодан до машины.

– Нормально живем, – говорю я еще раз, словно убеждая сама себя, – как все живут.

После завтрака отец стоит у колонки, наклонившись. Я вижу его загорелую спину. Отец загорает очень быстро и мгновенно становится шоколадным. В отличие от меня. Вместо загара я покрываюсь красными пятнами. Отец наполняет водой ладони. Я подхожу и замечаю в собравшейся лужице воды маленькую рыбку.

– Наверное, кто-то принес с залива, – говорит отец.

Я наклоняюсь ближе, и моя рука сталкивается с его. Он отдергивает ее, как от ожога, и встает. Замечаю, как он сильно за этот год изменился. Не постарел, нет, но появилось в нем что-то, чего раньше не было. Он стал другой. В нем появилось что-то свое, не имеющее отношения ни ко мне, ни к маме, что-то отличное от нас, и я думаю:

встреть его в толпе – я могу не узнать его. Он как ребенок, который вдруг в одно лето повзрослел, как будто все, что происходило с ним до, – это все было не по-настоящему, было лишь подготовкой к самому главному. Но что это – главное, не знала ни я, ни он сам. Неужели это главное – Рита? Не я, а она?

Я вдруг думаю: этот человек больше не мой отец. Он – лишь воспоминание о той жизни, вернуться к которой мы не можем. Все, кто был когда-то частью нашей семьи, стали прокаженными. Переболевшими чумой и чудом оставшиеся жить. Уже почти здоровыми. Могут вставать, двигаться, говорить друг с другом. Но на всю жизнь у них останется этот страх – страх заразиться друг от друга. Они не будут больше целоваться, спать на одной постели и пить из одних чашек. Потому что они вместе перенесли тяжелую неизлечимую болезнь, которую подхватили, потому что были близки. Этот страх близости останется с ними навсегда.

Мне хочется спасти эту рыбку. От меня. От него. От нас. От нашей умирающей семьи. Отнести ее к чему-то настоящему. Живому. Дышащему.

– Давай отнесем ее к морю, – говорю я отцу.

Я беру детское ведерко, валяющееся в песочнице неподалеку, наполняю его водой почти до краев, ставлю рядом с собой и затем аккуратно опускаю в него рыбку.

– Зачем? Она уже мертвая, – говорит отец, но я словно не слышу и все никак не могу справиться с этим чувством внезапного страха.

Желания бежать. Все равно куда. От этого призрака. Чтобы он не сделал меня таким же, каким был сам.

Рыба в ведерке не шевелится.

Мы лежим рядом на песке, не касаясь друг друга, смотрим на спокойное море. Нет волн, нет ветра, и море такое тихое, каким бывает перед штормом.

Солнце светит как сумасшедшее, и мы не знаем, куда скрыться от него. Каждые пять минут бегаем к воде и лежим в волнах, слегка поднимающихся к берегу. Мы почти не разговариваем, только изредка одновременно поворачиваемся друг к другу и улыбаемся от этой синхронности, ставшей уже такой привычной. Мне кажется – на этом переполненном пляже нет других людей. Есть только мы. Всегда были только мы.

Но я вдруг вспоминаю Риту.

– Где вы познакомились? – спрашиваю я.

- С кем? – Отец поворачивается ко мне.
- С ней.
- А! Да я с ремонтом ей помогал. Оказалось, что мужа нет. В разводе. Помочь некому. Как-то так и остался.
- Так просто? – удивляюсь я.
- А что?
- Не знаю. Я думала, все как-то иначе происходит.
- В кино, может, и по-другому. А в жизни вот так просто.
- И когда вы познакомились?

Я хочу спросить – до развода с моей мамой или после.

- Года два назад.
- Значит, до.
- Но что делать. Не одному же быть. А Рита неплохая. Ты должна понять.

С мамой они познакомились на работе. Тоже просто. Он строитель. Она бухгалтер. Вместе в столовую, вместе на автобус, вместе домой. Поженились. Родилась я. Все просто. Я понимаю.

- За целый год даже не заехал. – Я не хочу говорить это, знаю, что отец ответит привычное «не начинай», но все равно говорю.

Как мама. Даже когда отец просил не трогать его, она все равно что-то говорила, говорила, потом кричала, потом злился он, хлопал дверь и возвращался к утру. Куда он ездил тогда – во время этих сор? Неужели к Рите?

- Я хотел, но, знаешь, как бывает? Приедешь, припаркуешься. Смотришь – свет в окне. Думаешь, а кому это все надо сейчас? Опять начнется... Постоишь и уедешь. Много раз так было. Не все просто, как хочется.

- Позвонил – я бы вышла.

Отец молчит. А я думаю: могла бы и сама позвонить. Или в окно выглянуть. Потом выйти – словно в магазин, хотя ничего не надо. Не знаю. Хоть что-то.

Отец сыплет мне на ноги горячий песок. Я стряхиваю его, а он сыплет опять. На дачном озере песок никогда не был горячим – мокрый, слипшийся, неприятный. От него оставались грязные следы. Здесь же песок янтарный, сыпучий.

Однажды отец не поехал с нами на озеро. Он тогда еще не водил. Приехал дядя – муж маминой сестры. Набралась целая машина – мама, тетя, дядя, какие-то друзья, я. Мама хотела остаться дома – она и плавать-то не умеет. Но я расплакалась – без мамы не поеду. Долго решали. В итоге остался отец. Вышел из машины молча, как все-

гда. Не злился, не ругался. Просто ушел, и все. Теперь мне кажется, именно тогда он ушел. Как будто почувствовал себя лишним.

Рита ждет нас в кафе у самого пляжа. Мне нравятся плетеные глубокие летние кресла и деревянные столики. Мы садимся на веранде, в тени, под низким деревом, и его листья свисают нам на колени, как подмосковная сирень.

Я представляю себе тех женщин, которые любили моего отца. И которых любил он. Его первую жену. Ее я увидела недавно, когда она пришла в нашу квартиру, а я сказала ей, что отец с нами больше не живет. Мою маму. Риту. И тех женщин, которых я не видела, которых не знаю, которых, возможно, еще не было, но которые могут быть в будущем. Мне хочется увидеть их вместе, на одной сцене, чтобы они вдруг слились в один образ одной-единственной. Возможно, Рита для отца – это та самая единственная. А может быть, мама. А может быть – я? Или я – это всего лишь одна «из».

Я смотрю на отца, а он смотрит на Риту. И я злюсь, что на нее, а не на меня.

- Обещают шторм, – говорит Рита. – Я слышала, что такие штормы бывают раз в сезон.

- Не похоже на то, – возражаю я.

- Точно будет! Жарит так, что у меня все лицо сгорело, – смеется Рита, и я невольно замечаю некрасивые красные пятна на ее щеках и отворачиваюсь. – Обычно такая жара перед штормом.

Мне вдруг становятся нестерпимо отвратительны эти ее пятна. И она сама. И то, что говорит она, а не отец. А он молча курит. Шуруется на меня сквозь дым.

Я выхожу из кафе и сажусь на землю у фонтана. Отец идет за мной и садится рядом.

- Так нельзя, – говорю я и не смотрю на него, словно говорю с собой. – Нельзя любить кого-то, а потом сделать вид, что ничего не было. Ведь нельзя? Ее ты тоже бросишь?

- Пойдем отсюда, – говорит отец.

- Куда? – пожимаю плечами.

- К морю. Больше здесь идти некуда. – Он берет меня за руки, и мы вместе встаем.

На юге так быстро темнеет, рано появляются звезды и как-то все сразу, будто сговорившись, остаются висеть низко-низко. Отец стоит у окна, отодвинув шторку, и так долго смотрит на дорогу, что мне становится неловко от молчания и неподвижности всего вокруг.

Мне хочется наблюдать за отцом. Включить камеру и оставить. Смотреть, как он будет меняться. Каким станет через десять лет, через двадцать. Мне хочется все увидеть и навсегда запомнить его лицо.

Мне кажется, не было этого года. Других людей не было. Ничего не было. И мне страшно вспоминать, что было.

Я кладу голову ему на плечо, как делала в детстве, и мне кажется, что я часть его и всегда ею была, просто год назад мы вдруг ошибочно решили, что можем жить отдельно.

3.

Утром мы идем вдвоем пешком к морю. Отец чуть быстрее. Я замечаю на шее, там, где заканчивается линия волос, царапины. Они еще долго будут выделяться белыми шрамами на смуглой коже.

Отец что-то напевает. Он все время что-то напевает, словно это заменяет ему разговоры или мысли. Я не могу разобрать слов, хотя знаю всю музыку, которая ему нравится, – он всегда включает ее в машине. Цой, Науменко, Башлачев. Никого уже в живых нет. Хрипящий надрывный рок, похожий на жизнь моего отца.

Отец просит сфотографировать его. Я навожу камеру своего телефона, жду, когда отец отойдет на такое расстояние, чтобы уместиться в кадр. Я смотрю на него во все уменьшающийся квадратик камеры. Потом он фотографирует меня. Я объясняю, какую кнопку нужно нажать. У отца получается не сразу, хотя он старается. У него никогда не получалось – всегда выходило либо криво, лицо обрезано, либо мелко, что невозможно рассмотреть лицо. Но мне все равно нравятся фотографии, которые сделал именно он.

А потом мы раздеваемся и бежим в воду. Он сразу ныряет и плывет все дальше и дальше. А я, шурясь от солнца, пытаюсь не терять его из вида и пристально смотрю на поднимающиеся волны.

Он плавает очень хорошо. В детстве ему запрещали – слабое сердце. Но отец подделал справку. Плавание – была его борьба с жизнью. Наверное, если бы ему запрещали заниматься рисованием, он бы занялся именно рисованием. Никто никогда не мог запретить ему делать то, что он хочет. Никто. Никогда.

Я смотрю на небо и замечаю, что оно слегка темнеет. Поднимается ветер. Волны становятся больше. А отец ничего не замечает и уплывает все дальше. Я встаю, иду вдоль берега, машу ему

рукой, но он не видит меня. Кричать бесполезно – волны гасят любой шум. Люди на пляже начинают собираться. Ветер все сильнее, и я вижу, как волны поднимаются все выше и выше. Уже трудно отличить море от неба, сухой песок засыпает глаза, и я вдруг понимаю, что уже не вижу отца в воде.

Его нигде нет. Я кричу ему, но услышать меня некому. Становится страшно. Я вдруг понимаю, что мы на пляже совершенно одни. Если исчезнет он, или я, или мы вместе – никто этого не заметит. Я опять кричу ему и уже бегу по берегу, спотыкаясь и едва удерживаясь, чтобы не упасть в море. Я ненавижу это море, и себя, и его, и всех здесь. И не знаю, что делать.

А потом я замечаю его далеко-далеко впереди. Он выходит из воды, не спеша, точно никакого шторма нет. Я бегу к нему. Он улыбается, а я бью его по груди. Со всей силы. Как в детстве, когда обижалась. Он удивленно смотрит на меня, а потом начинает обнимать, прижимать к себе, пытаться поднять, как ребенка, который испугался, потому что мама задержалась на работе и не пришла вовремя домой.

– Ты что, подумала, что я... – смеется.

Я вдыхаю запах соли.

– Я тебя не оставлю, – говорит он уже серьезно, – никогда.

Вечером мы с ним и с Ритой сидим в кафе на нашей улице. Отец идет за вином, и мы с Ритой остаемся одни.

– Ты не думай, – говорит Рита, наклонившись ко мне, – не думай обо мне плохо. Если бы не я – он бы совсем пропал. Ты многого не знаешь. Он жить не хотел. Говорил, что хочет въехать в дерево на полной скорости, но машину жалко. Машину. А не себя, понимаешь?

И не меня.

– Я вас не виню. Отцу с вами лучше. Лучше, чем с нами. Но... Он же все равно вас бросит. Вы же у него не навсегда. Он тоже уйдет. И вы ничего не сделаете.

Рита смотрит на меня так, точно хочет прочитать мысли, – прямо в глаза, с вызовом, словно проигравший бой. Это была уже не та улыбка, которую я увидела в первый раз. Это совсем другая улыбка, и я думаю, что Рита может быть и жестокой.

– А ты? Что сделала ты, чтобы он не ушел?

Весь вечер она говорит с отцом, а я молча наблюдаю за ними. Иногда он что-то рассказывает обо мне. Какая я была в детстве, что любила, какие книжки читала. Говорит так, словно меня здесь нет. Он знает меня больше и дольше, чем

я сама. Знает, какая я бываю по утрам, какая я, когда злюсь, или как умею лгать. И он все рассказывает быстро-быстро, точно торопится навестать. В перерывах закуривает, и я узнаю его жесты – они не изменились, остались такими же, какими были всегда. Как будто ничего не изменилось за этот год.

Я тоже многое хотела сказать за это лето. Мы с тобой так похожи. Когда я смотрю на тебя, мне кажется, я смотрю в зеркало. Иногда становится жутко от того, что мое отражение такое. Но я не хочу, чтобы оно было другим. Ты никогда не объяснял мне, как нужно жить. Никогда не воспитывал. Просто был рядом. Каждый день я смотрела на тебя и думала: я хочу жить так, как ты. Совершать те же ошибки, что совершал ты. Родить дочь. Чтобы она смотрела на меня и думала: я хочу вырасти и жить так же.

Начинает играть музыка.

– Пойдем танцевать? – Рита подбегает ко мне, хватая за руку.

Я опять, как в первый день, вижу ее голые полные загорелые ноги, короткую юбку, поднимающуюся колокольчиком. Мы танцуем. Я наблюдаю за ее движениями – легкими, девичьими, повторяю их, и мне вдруг становится хорошо от того, что все может быть так просто. Мы кружимся, Рита постепенно ускользает от меня в танце. Пока не исчезает совсем. Музыка все звучит, но уже как-то растерянно, точно потеряв весь свой смысл.

Когда отец волнуется, он всегда моет машину. Я помогаю протирать стекла.

– Как тебе Рита? – спрашивает он.

– Она не похожа на маму.

– Она и не должна. Думаешь, у нас все получится?

– Да, – лгу я, – думаю, получится.

– Хотя ведь это и не важно, да?

– Да, – опять лгу я, – не важно.

– У меня от первой жены сын есть – ты не знаешь об этом.

Я знала. Первая жена, чужая женщина, рассказала.

– Я не видел его двадцать лет. Мы развелись, когда он родился. Если мы встретимся – не узнаем друг друга. Иногда я стою в очереди в кассу и думаю: впереди меня мой сын. Может быть, он тоже стоит в какой-нибудь очереди и думает: где-то тут мой отец, которого у меня никогда не было. Ты думаешь, я виноват в этом?

Я сажусь рядом с ним.

– Когда мы развелись с твоей мамой, – опять говорит отец, – я боялся потерять не ее, а тебя. У меня же никого больше нет. Может быть, Рита будет со мной, а может быть, не будет. Это наше дело. Но моя семья – ты.

Я обнимаю его. Он дотрагивается своими сильными руками до моих и идет в дом. К Рите.

– Папа, – кричу я. Он оборачивается. Мне все кажется – я больше его не увижу. – Давай поедем к морю. Прямо сейчас.

Он останавливается. Мы садимся в машину и едем. По этой же самой дороге, по которой ехали впервые сюда.

Мы долго молчим, потому что хотим сказать то, что, наверное, уже не нужно. Отец оборачивается ко мне, и я вижу его лицо так близко.

И не хочется говорить. Хочется ехать и ехать. Пока не покажется лиман, рыбацкая лодка. А за ними – море. Далекое, чужое, не принадлежащее никому.

